

Комс. правда. - 1991. - 12 июля.

Время мелких бесов

Среди гостей Московского кинофестиваля
самая яркая и заметная фигура — Элем Климов

Мы помним... Пять лет назад он взвалил на свои плечи перестройку в кинематографе, дав дорогу талантам. Его авторитет собирал действительно в Москве мировых «звезд» кинематографа.

Когда Элем Климов на последнем съезде кинематографистов сказал, что уходит с поста секретаря союза потому, что хочет снимать, Маргарита Терехова, взяв микрофон, спросила, что сделать, чтоб Элем остался: «Я готова упасть на колени!»

В любви к человеку не бывает унижений. Унижения всегда в отсутствии любви.

Своей преданностью творчеству Климов заставил уверовать нас, что голгофа и крест Андрея Тарковского не напрасны...

Но вот перестройка ловко свернула в коммерцию. И говорят, нынче «музы» долго отмиваются, вдохновив своих «творцов»...

В киноконцертном зале «Россия» вовсю шумела фестивальная кадриль.

Ну как открытие, спросили мы... Он засмеялся и сказал, хорошо, что коротко. Мы подняли головы вверх: над входом в киноконцертный зал по-прежнему огромное количество флагов. Но все же кинематографическая Москва нынче не Канны.

— И интерес к фестивалю падает... даже со стороны москвичей, хотя цены на билеты, говорят, не изменились.

— Изменилось время. Раньше любой иностранный фильм был для нас событием. Зарубежные фильмы особенно у нас не показывали. Их увидеть на фестивале-то и можно было. А сейчас задавили все американчиной.

— Да и задавливать особенных усилий не надо. Та цензура, которая у нас была...

— Жестокая, — вставляет Климов.

— Да, жестокая, но, кроме идеологии, она «просматривала» фильмы на пошлость, дешёвизну.

— Не дай Бог вам это пережить. Я на себе испытал цензуру. Это было чудовищно. Я жду, когда теоретики, занимаясь тайнами творчества, объяснят, почему, когда завоевали свободу, хлынула чернуха и всякая там боля-

га... и перестали рождаться крупные произведения, которые случались в годы застоя.

— Известно утверждение, что искусство живет в катакомбах...

— Когда-то Тарковский сказал, что творчество — это преодоление. Сейчас вроде бы преодолевать нечего, но возникли внутренние преграды. У каждого свои. Алексей Герман восемь лет молчал. И только «запустился». И в сложнейших отношениях сам с собой. Я потерял четыре года на Союз кинематографистов. А фильм, за который я взялся, требует другого Климова. Говорят: «Надо домолчаться до стиха».

— До чего же вы домолчались?

— Сценарий фильма «Мастер и Маргарита» написан. — И что дальше?

— Сложнейший, дорогой проект съемок. Неисполнимый на Родине. Технически. Английский продюсер, который работал с Лукасом, прочел сценарий и сказал: «Элем, вы не понимаете, что мировая кинотехнология будет готова к реализации этого проекта, дай Бог, через десять лет!». Об отечественной я молчу.

Я пытаюсь найти деньги для фильма. Время идет, а молоко киснет.

— Дай Бог, не скиснет совсем, тогда где вы предполагаете снимать фильм?

— В основном здесь и, может быть, в Тунисе, Израиле.

— Это будет восточная мистика?

— Почему мистика? Христа казнили на Ближнем Востоке.

— Вы, значит, реалист... Уже посетили святую землю?

— Да, в прошлом году, на Пасху. Поклонились всем святым местам. Мы ощутили там нечто, чего нигде подобного в мире нет.

— ?

— Свет.

— Но на тему Нового завета это будут не первые съемки

— Да, но я еще не принял решение: можно ли вообще показывать Христа. Не пошло ли Христа вводить в кадр.

— Значит, актера на роль Христа не будет?

— Важнее достичь сверхсостояния, сверхприема, чтобы люди Христа почувствовали, а не увидели «супера» на кресте.

— Булгаков — ваш любимый писатель?

— Нет, мой любимый писатель Достоевский. Хотел «Бесов» поставить, не дали. Это было безумное предприятие: мы хотели с Юрием Карякиным через этот сюжет всю плазму Достоевского пропустить. Разные критики ругают «Бесов», что это не отработанная вещь, а я, в который раз перечитав, понял, что там трогать ничего нельзя.

— Сейчас время мелких бесов или крупных?

— Мелких. И очень, это напоминает одну сцену из этого же романа — «Бал гвернанток». Это самая скандальная сцена...

— ...Про то, как всякие людишки получили вдруг перевес... и громко стали критиковать все священное.

А вы коммунист?

— Да.

— Из партии не собираетесь выходить?

— Нет. У меня характер такой. Когда все бегут в одну сторону, я не хочу бежать со всеми.

Вспомнилась фраза, которую он довольно часто повторяет о том, что нужно жить своим умом, своей внутренней опорой, и лучше, чтобы она была вертикальной.

Г. РЕЗАНОВ.
Т. ХОРОШИЛОВА.